

пишет он, — и я тебе, свету, о своих бедах и напастях возведу немного» (стлб. 724—725). А в конце Аввакум снова напоминает о пространности своего рассказа, извиняясь за «долгоглаголение»: «Не прогневайся, государь-свет, на меня, что много глаголю» (стлб. 728). Но понимая, что он «много глаголет», Аввакум предпочел лишний раз извиниться перед царем, но не сократить свой автобиографический рассказ.

Более того. Во вступительной части челобитной, где челобитчики обычно указывают основную тему изложения, Аввакум намечает не одну, а две самостоятельные темы своей челобитной, как бы колеблясь, с какой темы начать: «Государь наш свет! что ти возглаголю ... свое ли смертносное житие возведу тебе, свету, или о церковном раздоре реку тебе, свету?» (стлб. 723). Таким образом, свое «житие» Аввакум мыслил как самостоятельную тему наравне с темой церковного раскола; при этом автобиографическое повествование о бедах и напастях Аввакум сделал центральной частью, к которой все остальные, относительно небольшие части челобитной примыкают скорее в качестве вступления и заключения.

Итак, Аввакум, очевидно, придавал важное значение рассказу о своих бедах и напастях, но цель этого рассказа, к сожалению, остается для нас неясной.

Если обратиться к челобитным и посланиям царям XVII в., то видно, что авторы рассказывают о себе, как правило, в связи с какой-нибудь просьбой личного характера. Послания и челобитные царю, содержащие биографические сведения за более или менее крупный период жизни автора, можно разделить на две группы. В первую группу входят те послания и челобитные, главная тема которых не государственная, не общественная, а личная, даже узко личная, и связь между такой целью и приведением автобиографических данных очевидна.

Типичным является, например, случай, когда автор хочет быть пожалованным за многие свои тяготы на государственной службе и поэтому рассказывает о себе.² Довольно подробные биографические сведения могут приводиться в посланиях и челобитных царю, авторы которых хотят оправдаться в клевете, на них возведенной, или по какой-то причине желают изменить сложившееся о них мнение.³ Наконец, биографические данные приводятся в посланиях заключенных и ссыльных, просящих об освобождении из заточения, смягчении тюремного режима и пр.⁴ Отли-

² Ср., например, челобитные Федора Максимова 1657 г. о его службах на Амуре (ДАИ, т. 4, стр. 94—95), служилых людей Василия Бугра и Евсевия Павлова 1655 г. (там же, стр. 8—9), Г. И. Пустошкина после 1659 г. об отставке от службы (Акты, относящиеся до юридического быта древней России, т. 3. СПб., 1884, стр. 479—480), соловецкого чернеца Матвея 1669 г. о мучениях, которые он претерпел от соловецких мятежников (Я. Л. Барсков. Памятники первых лет русского старообрядчества. СПб., 1912, стр. 136). Ср. также письмо бывшего патриарха Никона, который в 1667 г., будучи сослан в Ферапонтов монастырь, описывал свою тяжелую жизнь и заключал: «И ныне се ли мне твое воздожание вместо моея работы? Яко пса состаревшаяся отрину и заключи, и подохну я, пищи лишен» (там же, стр. 102).

³ Ср., например, большой рассказ о своей жизни за 40-летний период в челобитной приказчика Ал. Фролова 1644 г., приведенный для опровержения клеветы, якобы он «поставлен в приказчики из пашенных крестьян»: «... а я, — пишет Фролов, — поставлен, холоп твой, из пуикарей» (ЧОИДР, 1909, кн. 4, отд. IV, стр. 7). Ср. также челобитную муромского архимандрита Антония середины 1660-х годов, который отвергает подозрение, будто он писал подметную челобитную царю (Материалы для истории раскола за первое время его существования, т. VIII. М., 1887, стр. 120—121).

⁴ Ср., например, жалобы заточенного строителя Воскресенского монастыря Аарона в челобитной 1663 г. (Н. Гиббонет. Историческое исследование дела патриарха Никона, ч. 2. СПб., 1884, стр. 636), а также письмо бывшего патриарха Никона о смягчении режима в Ферапонтовом монастыре 1671 г. (Я. Л. Барсков. Памятники первых лет русского старообрядчества, стр. 109, 115).